

УДК 93/94+379.8

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-145-154

Оригинальное исследование

Личная жизнь политических ссыльных на Европейском Севере России в кон. XIX – нач. XX в.

Петербургский М.Ю.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

E-mail: mpeterburgsky@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению личной жизни политических ссыльных северных губерний России на рубеже XIX–XX вв. Опираясь на материалы печати, воспоминания и архивную документацию, автор анализирует различные стратегии выстраивания личной жизни в условиях ссылки. Сделан вывод, что многие романтические союзы, которые завязывались в ссылке, были основаны не только на личной симпатии, но и на родстве политических убеждений. Таким союзам способствовали общие идеалы, совместная революционная работа, проживание в условиях скученности. Показано, что вдали от губернских городов поведение ссыльных в области межполового взаимодействия зачастую было девиантным (внебрачное сожительство, беспорядочные половые связи), а иногда и делинквентным (сексуальное насилие и проституция). Местное население реагировало на нравы и привычки ссыльных настороженно, но со временем все же частично перенимало их практики, например, гражданский брак.

Ключевые слова: брак, Европейский Север России, личная жизнь, мораль, политические ссыльные, революционное движение

Для цитирования: Петербургский М.Ю. 2025. Личная жизнь политических ссыльных на Европейском Севере России в кон. XIX – нач. XX в. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 145–154. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-145-154

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Personal Life of Political Exiles in the European North of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries

Mikhail Yu. Peterburgsky Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, RussiaE-mail: mpeterburgsky@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of political exiles' private life in Russia's northern provinces at the turn of the 19th and 20th centuries. Based on newspapers, memoirs and archival documentation, the author analyzes various strategies for building personal life in exile. It is concluded that many romantic unions that formed in exile were based not only on mutual attraction, but also on shared political beliefs. Such unions were facilitated by common ideals, joint revolutionary work, and living in crowded conditions. It is shown that far from Governorate capitals, the behavior of exiles in inter-gender interaction was often deviant (extramarital cohabitation, promiscuous sexual relations), and sometimes delinquent (sexual violence and prostitution). The local population reacted to the mores and habits of the exiles with caution, but over time they still partially adopted their practices, for example, informal marriage.

Keywords: marriage, European North of Russia, personal life, morality, political exiles, revolutionary movement

© Петербургский М.Ю., 2025

For citation: Peterburgsky M.Yu. 2025. The Personal Life of Political Exiles in the European North of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 145–154 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-145-154

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

История массового революционного движения в России кон. XIX – нач. XX в. является одной из самых популярных областей научных изысканий отечественных историков с момента становления советского государства. Высочайший интерес к этой теме сохраняется и сегодня. Примыкающей к ней областью исследований является история административной политической ссылки – история жизнедеятельности революционеров и случайных лиц, обвиненных в революционной пропаганде и удаленных властями из столиц и столичных губерний на строго означенный период (от 1 до 5 лет) в административном порядке.

Советская историография политической ссылки представлена главным образом трудами, посвященными политической активности ссыльных, которая проявлялась в их подпольной революционной работе. Работы постсоветского периода чаще касаются правового и экономического положения политических ссыльных, социального и партийного состава ссылки, занятий ссыльных. В то же время число научных исследований, уделяющих внимание аспектам личной жизни политических ссыльных, очень невелико. Впрочем, следует отметить, что если в советское время эти вопросы считались глубоко вторичными, то сейчас, когда микроистория и гендерная история пользуются заслуженным вниманием специалистов, число таких исследований растет. Так, среди наиболее примечательных работ следует назвать совместную монографию Т.А. Сабуровой и Б. Эклофа «Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов», вышедшую в издательстве «НЛО» в 2016 году [Сабурова, Эклоф, 2016]. Отдельные параграфы кандидатских диссертаций С.Ю. Овечкиной и О.В. Ванюшиной посвящены личной жизни административно-ссыльных женщин, находившихся под гласным надзором полиции в Архангельской и Тверской губерниях [Овечкина, 2005; Ванюшина, 2016]. Некоторые аспекты личной жизни революционеров-народниц в сибирской ссылке затрагивает в своей кандидатской диссертации О.Н. Кондакова [Кондакова, 2002].

Большинство работ, обращающихся к проблеме организации личной жизни политических ссыльных, касаются истории сибирской ссылки. В отношении административно-ссыльных европейских губерний России эти аспекты повседневности изучены недостаточно. В настоящей статье ставится задача показать, по какой логике и под влиянием каких факторов развивались индивидуальные и коллективные стратегии выстраивания личной жизни политическими ссыльными Европейского Севера России.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является личная жизнь политических ссыльных, высланных административным порядком в губернии Европейского Севера России. Предмет исследования – индивидуальные и коллективные особенности организации личной жизни политических ссыльных в контексте их адаптации к условиям ссылки.

Хронология исследования охватывает период с кон. XIX по нач. XX в. Географические рамки исследования включают Вологодскую и Архангельскую губернии, административная ссылка в которые после революции 1905–1907 гг. приобрела массовый характер.

Источниковой основой статьи выступили воспоминания современников, материалы периодической печати, а также ранее неопубликованные архивные материалы из фонда

губернского жандармского управления Вологодской губернии, выявленные нами в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО, ф. 108). Большинство архивных материалов, используемых в статье, представляют собой перлюстрированные письма административно-ссыльных и содержат любопытную информацию об организации личной жизни как в колониях политссыльных, так и на уровне отдельных лиц. Эти письма, по нашему мнению, обладают исключительно высокой источниковедческой ценностью, тогда как другие источники содержат или достаточно скудную (мемуары), или в определенной степени предвзятую (промонархическая дореволюционная периодика) информацию об этой стороне жизни ссыльных.

Методологической основой исследования стали принципы историзма и объективизма, метод контент-анализа (в работе с источниками личного происхождения), историко-биографический и статистический методы. Центральным, объединяющим методом исследования стал микроисторический метод, посредством которого явилось возможным исследование индивидов, их социальных связей и стратегий поведения в рамках отдельных территорий в течение небольшого промежутка времени [Минский, 2009, с. 71]. В исследовании применялись также общенаучные методы, такие как анализ, синтез и обобщение.

Результаты и их обсуждение

Административная ссылка политически неблагонадежных лиц в отдаленные губернии России стала на рубеже XIX–XX вв. инструментом, широко используемым царской властью в целях нормализации политической обстановки в империи. Нормативные основы административной ссылки устанавливались «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Большая часть решений о высылке лиц принималась Особым совещанием при МВД, кроме того, принятие таких решений в ряде случаев входило в компетенцию генерал-губернаторов и градоначальников. Наиболее популярным направлением административной ссылки исторически являлась Восточная Сибирь, однако с началом русско-японской войны и поражением первой русской революции 1905–1907 гг. ссыльных, предназначенных для следования в Сибирь, стали размещать в губерниях Европейского Севера России. В местах водворения ссыльные подчинялись гласному надзору полиции, ограничивались в правах и свободном передвижении.

Ввиду различных обстоятельств вместе со ссыльным к определенному для него месту отбывания гласного надзора следовала его семья. Так, активный участник революции 1905 г., социал-демократ А.А. Андреев в марте 1911 г. прибыл в ссылку вместе с семейством. Андреевы, расквартированные сначала в Никольске, а затем переведенные в Великий Устюг, стали самой многочисленной семьей среди ссыльных – у них было пятеро детей. Младшая дочь Андреева родилась в ссылке [Советская мысль, 1973, 2 октября, с. 2–3]. Под гласным надзором полиции в Вологде в 1902–1903 гг. с семьей находился известный революционер и писатель Борис Савинков. Вместе с женой Верой и двумя детьми Савинков занимал меблированные комнаты рядом с местным католическим храмом [Русский Север. Пятница, 2006, 25 октября, 1 ноября, 8 ноября, с. 18–19; 23]. Семейные ссыльные считались самой надежной категорией политссыльных. Они имели «более всего побудительных причин чуждаться бродячей жизни»; в них сильнее, чем в остальных, было развито стремление к укреплению своего материального благосостояния [Саломон, 1900, с. 279].

Однако тех, кто прибывал в ссылку с семьями, было меньшинство. Согласно опросным листкам, изъятым в 1908 г. при обыске у врача Вологодской губернской земской управы П. Филиппова, из 70 респондентов-мужчин только 15 прибыли в ссылку вместе с семьями. Среди 5 женщин – 3 замужних, в большинстве семей – один или два ребенка. В Архангельской губернии за период с 1862 по 1905 гг. из 139 ссыльных женщин лишь 42

были замужем, 15 вступили в замужество в ссылке, 8 состояли в гражданском браке. Брачная статистика по сибирским ссыльным демонстрирует ту же тенденцию: ряды семейных ссыльных пополняются людьми, прибывающими в ссылку с семьями; тогда как в ссылке под влиянием неблагоприятных для брака условий жизни вступает в брак гораздо меньший процент ссыльных [Саломон, 1900, с. 280]. Условия проживания в ссылке зачастую не благоволили к комфортной семейной жизни: резонно предположить, что подтолкнуть супругу следовать за мужем могли или сильные чувства, или невозможность обеспечить заработок самостоятельно.

В целях экономии средств ссыльные снимали одну комнату на двоих или троих и жили «коммуной»; готовили еду сразу на несколько человек, а если «столовались у хозяйки, то получали небольшие скидки» [Коновалов, 2007, с. 184; с. 187–188; Овечкина, 2005, с. 17]. Коммунары не признавали права частной собственности: «инвентарем, обстановкой и даже гардеробом пользовались сообща» [Ильинский, 1906, с. 199]. Несмотря на то, что в такие коммуны политссыльные объединялись на основе общности убеждений [Вестник знания, 1909, № 8–9, с. 230], проживание в условиях крайней скученности и стесненности в средствах часто становилось серьезным испытанием и для межличностных отношений в целом, и для брака в частности.

В ссылке нередко образовывались новые пары: общие убеждения, вызовы и трудности, совместная подпольная революционная работа, совместный досуг подталкивали ссыльных к новым романтическим связям, некоторые из которых закреплялись на долгие годы. Так, в Вологде начался новый этап жизни политссыльного писателя Алексея Ремизова – там он встретил будущую жену Серафиму Довгелло, с которой не расставался до ее смерти [Красный Север, 1986, 14 июня, с. 4]. Довгелло также была политссыльной и даже являлась любимицей «бабушки русской революции», знаменитой Е. Брешко-Брешковской. Брешко-Брешковская посещала Вологду и увещевала Довгелло за предательство революционного дела и будущее замужество, однако ее усилия оказались тщетными, и молодая пара, к этому моменту уже практически отошедшая от политики, обручилась. Брак дал Довгелло возможность осознать вторичность своих революционных увлечений. Впоследствии она признавалась, что побудительным мотивом к революционной работе для нее стало желание «мученического венца»: «...мне было стыдно, что другие страдают, и я хотела пострадать» [Русский Север. Пятница, 1994, 21 января, с. 4–5].

Женился в ссылке и известный революционер, будущий первый нарком просвещения РСФСР Анатолий Луначарский. Через три дня после знакомства он сделал предложение сестре товарища, ссыльного революционера, врача и писателя А. Богданова (Малиновского). В Анне Малиновской он нашел спутницу, наполнившую его жизнь «светом личного счастья» [Новоселов, 2004, с. 12]. Их венчание состоялось 1 сентября 1902 г., невесте было 19 лет, жениху – 26 [Кохно, 1970, с. 607].

Имели место в ссылке и случаи, когда пары образовывались не по влечению, а в целях соединения пособий. По свидетельству Э.И. Павчинского, «прожить совместно двум, сложив казенное пособие (11 р. + 11 р. или 8 р. + 8 р.), легче, чем одному. И дешевле: совместная квартира, стол и т. д.». Подобного рода временные браки стали в ссылке обычным явлением. Павчинский пишет, что в немалой степени способствовал этому и общий фон ссыльной повседневности: короткие дни и длинные ночи северных губерний и «гнетущая, давящая тоска одиночества, доводившая многих до отчаяния. И вот люди, – особенно те, которые духовно еще не окрепли, – искали выхода, и, не найдя его, шли по линии наименьшего сопротивления: сходились в надежде, что вдвоем «все-таки легче будет» [Павчинский, 1932, с. 192].

Традиция заключения браков среди политссыльных закрепилась еще в поколении народников 1870-х. Это поколение, по сути, заложило две противоположные траектории выстраивания личной жизни революционера. С одной стороны, идеалы, сформированные в умах молодой интеллигенции чтением произведений Чернышевского, Некрасова и

Писарева, определяли безусловный выбор в пользу общественного, отодвигая вопросы личного на задний план. В общественном мнении женщины, участвующие в революционном движении, представляли как нигилистки, отказавшиеся от семьи и личного счастья во благо служения народу. Создавались и культивировались в молодежной среде такие канонические образы женщин, как «икона революции» – Вера Фигнер, «бабушка русской революции» – Екатерина Брешко-Брешковская, Софья Перовская как символ самоотверженности и преданности революционному делу. Впечатляясь их примерами, молодые женщины демонстративно отказывались от традиционной гендерной роли, лишая брак и деторождение первостепенного приоритета в своей жизни и предпочитая им получение образования, максимально способствующего общественной и профессиональной самореализации [Сабурова, Эклоф, 2016, с. 40, с. 81, с. 111]. Тем не менее получить образование удавалось не всем: на начало XX в. его доступность для женщины все еще была существенно ограничена. Отсутствие возможности построить самостоятельную политическую карьеру и реализовать свой интеллектуальный потенциал в соответствии с талантами и потребностями толкало наиболее активных девушек в подпольные организации, где они надеялись обрести высокую цель жизни, а в сопряженных с опасностью действиях – возможность самоутвердиться [Гейфман, 1997, с. 17]. Среди революционерок было много женщин из еврейской среды. Евреи стремились влиться в революционное движение, поскольку особенности их статуса в правовом поле Российской империи накладывали существенные ограничения на участие в большинстве сфер общественной жизни. Кроме того, молодые еврейки отказывались принимать и традиционный уклад еврейской семейной жизни, в соответствии с которым им была уготована одна роль – быть матерью семейства. Уходя в дело революции, они разрывали со своими семьями и традициями, отрекались от политических взглядов своих родителей [Максимова, 2003, с. 37], нередко погружаясь в самую гущу опасной революционной работы. Реалии будничной жизни молодой революционерки не способствовали гармоничной жизни в браке: это была жизнь, полная опасностей, чреватая арестами и заключением в каторжные тюрьмы, диктовавшая необходимость частой мобильности и строгой конспирации [Красный Север, 1986, 14 августа, с. 4].

Тем не менее, несмотря на предписываемую революционеру сдержанность в проявлении чувств и отказ от личной жизни ради революционного дела, интенсивные личные привязанности и проявление сопряженных с ними эмоций сохраняли свое значение и в этой среде. При этом браки, заключаемые в революционной среде, обычно были союзом личного и общественного: в основе таких браков лежали не только чувства, но и общие убеждения, взгляды и деятельность [Сабурова, Эклоф, 2016, с. 101, с. 109].

Были нередки случаи, когда романтические отношения и последующий брак предвещало вынужденное сожительство в тесных условиях ссылки [Королева, 2021, с. 10]. Иногда знакомство завязывалось еще раньше: во время этапа к месту водворения. Например, так социал-демократ А. Воронский познакомился со своей будущей женой Зиной. Взаимный интерес привел к тому, что в Яренске они поселились вместе. Спустя некоторое время возлюбленная Воронского призналась ему, что вскоре с одной из партий в Яренск должен прибыть ее жених – эсер, студент Андреев. Воронский вспоминал, что по приезду жениха Зина имела с тем сложный разговор, после которого явилась от Андреева в слезах. Несколько дней спустя Андреев прислал записку, в которой называл Воронского «совратителем неопытных девиц, требовал удовлетворения, т. е. вызывал на дуэль». Воронский писал: «На такую буржуазно-помещичью пошлость я ответил, разумеется, отказом. Тогда он в нетрезвом виде при встрече в лесу затеял дрянную ссору, кричал, что желает драться со мной на пистолетах (интересно, где бы их достали), назвал меня трусом и кинулся с кулаками. Произошла свалка, он попортил мне нос, я, в свою очередь, разодрал ему пиджак» [Воронский, 1931, с. 29–30]. Инцидент был разобран колонией

политссыльных, где поступок Андреева подвергли осуждению. Позже между бывшим женихом и Зиной произошла окончательная размолвка, и Зина с Воронским обвенчались.

Политссыльные северных губерний активно взаимодействовали и с местным населением, располагая к себе как интеллигенцию, так и рабочих. В губернских центрах молодые революционеры легко завязывали дружбу с гимназистками и проводили с ними совместный досуг, который нередко способствовал возникновению взаимной симпатии. Член РСДРП С.Г. Струмилин (Струмилло-Петрашкевич), отбывавший гласный надзор в Вологде, вспоминал общие прогулки с девушками по реке Вологде на ялике: «...когда я катал на нем вечером юных девушек, и со встречных лодок наш ялик приветствовали возгласами: «Красотка, красотка!..», мои девушки, неизменно принимая эти возгласы на свой счет, краснели, как мак, и конфузились до слез. Одним словом, житье наше в Вологде было привольное» [Струмилин, 1968, с. 91]. Молодые гимназистки очаровывались романтическим ореолом революционной борьбы и образами молодых, идейных и благородных революционеров, готовых пострадать за свои ценности и идеалы, мужественно перенося тяготы ссылки.

Однако на практике далеко не все лица, пополнившие ряды политссыльных Европейского Севера России, отвечали этому образу. Многие ссыльные начинали вести разгульную жизнь и вовлекались в аморально-авантюрные, а зачастую и прямо криминальные приключения на любовных нивах. До 1917 г. в России на законодательном уровне обладали признанием лишь два сексуальных института: брак и проституция, однако помимо них во всех слоях общества процветали незаконные связи. Начиная с 1890-х гг. внебрачное сожительство распространилось настолько, что приходские священники повсеместно обсуждали меры «борьбы с этим злом» [Стайтс, 2004, с. 252]. Гражданские браки порицались и местными властями, что отражалось в рапортах уездных исправников начальству [Овечкина, 2005, с. 18]. Не стала исключением из правила и вологодская ссылка. Так, среди ссыльных Вологды есть и «альфонсы, есть даже господа, отбивающие у купцов «по несколько жен за сезон», – делился с товарищем вологодский политссыльный Г. Луппо в письме от 29 февраля 1908 г.⁷⁴ Впрочем, в Вологде, на виду у губернатора и начальника ГЖУ, политссыльные стараются не выходить за рамки приличий; настоящий «разврат» происходит в отдаленных уездах губернии.

В период реакции, наступившей после 1905 г., молодые люди нашли выход своей энергии в сексуальных приключениях и плотской неумеренности, прикрывая свое поведение «вульгарным понятием удовольствия ради удовольствия. Среди молодежи необузданная жажда удовольствий дополнилась депрессивной волной саморазрушения» [Стайтс, 2004, с. 263]. Одновременно с этим потоки политических ссыльных хлынули в северные губернии России, наводнив их уезды: вологодская и архангельская ссылки стали массовыми. О повседневности Никольского, Кадниковского и Вельского уездов Вологодской губернии рассказывает в трех письмах к знакомым (от 14 января, 6 и 18 февраля 1909 г.) политссыльный А. Губанов. Отвечая на вопросы собеседников, Губанов описывает место своего водворения – г. Никольск, в котором на момент отправки его письма находится, не считая жен и детей, около 300 ссыльных. Согласно свидетельству Губанова, местные ссыльные живут «в невозможных условиях. В маленькой, душной, темной конуре помещается до 10 человек. Разобщенность среди ссыльных полная. Среди сосланных есть много «случайных» людей и «темных личностей», которые насаждают разврат, проституцию, пьянство»⁷⁵. Никольские политссыльные злоупотребляют спиртными напитками, «заражаются сифилисом, дерутся из-за проституток и доходят до «туруханских бунтов», заключающихся в повальном насилии над женщинами и старухами

⁷⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 68. Л. 5.

⁷⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213, Л. 57.

в пьяном виде»⁷⁶. В Кадникове и Вельске, где ссыльных женщин гораздо больше, «парочки растут как грибы». Наградой за неумение «жить по-человечески» становится, как отмечает Губанов, распространение среди ссыльных венерических заболеваний⁷⁷. О ситуации в г. Яренске Вологодской губернии пишет 21 июня 1908 г. товарищу в Никольск политссыльная «Роза». Из ее письма следует, что в Яренске и уезде больше дюжины политссыльных девиц, которые, «по рассказам некоторых, чем-то так заняты, что и для чтения не находят времени». Принадлежащую к «сознательным» политссыльным Розу берет досада за легкомысленное поведение соратниц, и она сетует адресату, ссыльному Д.А. Розанову: «Невольно вспоминаешь Ваш взгляд на наш «прекрасный» пол. Ваше рассуждение, что из тысячи только одна заслуживает уважения. Как ни больно, а приходится сознаваться, что это так»⁷⁸. Не отличается ситуация и в Сибири: согласно свидетельству А.П. Саломона, положение незамужних тяжело; «их личность и женская честь не ограждена от самых грубых посягательств, и большинство таких несчастных кончает проституцией или, в лучшем случае, переходит из рук в руки», вступая в ряд кратковременных незаконных сожительства с местными жителями или такими же ссыльными [Саломон, 1900, с. 281].

Наиболее красноречивые сюжеты из повседневности политических ссыльных попадают на страницы местных газет – и чаще всего это реакционная печать. Так, в одном из номеров правомонархической вологодской газеты «Русский Север» корреспондент, скрывающийся под псевдонимом «Вольный», делится наблюдениями за ссыльным сообществом г. Сольвычегодска, подчеркивая аморальное поведение ссыльных обоих полов: «...брак «товарищи» отрицают, признавая свободу в половых отношениях, поэтому товарки, боясь показаться отсталыми, не пекутся о своем целомудрии. Связи редко бывают продолжительными...»⁷⁹. Другой корреспондент той же газеты акцентирует внимание читателя на непристойной выходке политссыльной во время танцевального вечера в общественном собрании: «...с папироскою в зубах, бросая многозначительные взгляды на подбадривающих ее сотоварищей, с выкриками и проч. (это в зале-то), она своим поведением окончательно уронила репутацию клуба»⁸⁰. Описанный корреспондентом «неприглядный образ политической ссыльной как опустившейся и утратившей стыд женщины не мог не ассоциироваться у северян-провинциалов со всем многообразием освободительных левых идей и, безусловно, дискредитировал в их глазах и идею женского равноправия. <...> Их [ссыльных женщин – М.П.] поведение и нравы, в силу декларировавшихся ими ценностей, связывались с феминизмом и в целом создавали и закрепляли в сознании обывателей весьма неприличный и малопривлекательный образ «свободной» женщины» [Собакина, 2021, с. 239–240].

Местное население патриархального Севера, несмотря на симпатии к молодой и образованной части ссыльного сообщества, было не готово воспринять моральный релятивизм поведения ссыльных в области межполового взаимодействия. Однако, живя бок о бок со ссыльными, оно прививало ряд чужеродных ему практик, и привнесенные извне привычки пускали корни в «мещанской и заскорузлой среде» северных уездов. В начале XX в. в Сольвычегодске, как вспоминал журналист Э.И. Павчинский, женщина находилась еще в состоянии крепостной зависимости, и даже гражданские браки являлись «для этого медвежьего угла тогда «революцией», но и они скоро нашли себе место среди местных жителей. В те времена это называлось падением нравов, и в этом все обвиняли исключительно ссылку» [Павчинский, 1932, с. 194].

⁷⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 63.

⁷⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 61.

⁷⁸ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 477. Л. 17.

⁷⁹ Русский Север. 1908. 5 декабря.

⁸⁰ Русский Север. 1908. 20 ноября.

Заключение

Аспекты личной жизни политических ссыльных долгое время были «слепым пятном» отечественной историографии, уступая место многочисленным реконструкциям условий подпольной революционной работы ссыльных социал-демократов (в советское время), а также анализу материального и правового положения ссыльных, их социального и партийного состава. На сегодняшний день, когда профессиональное сообщество историков демонстрирует повышенный интерес к вопросам повседневности и личной жизни людей в разные эпохи, эта проблема находится на этапе преодоления. Появляются исследования, так или иначе затрагивающие аспекты личной жизни ссыльных участников российского революционного движения.

Ссылочное сообщество, формировавшееся в губерниях Европейского Севера России, не было замкнутым, поэтому романтические контакты политссыльных выходили за пределы сообщества. Однако большинство прочных связей завязывалось именно в своей среде. На это влияли общность убеждений, вовлечение в совместную революционную работу, проживание коммунами. Способствовали сближению холостой статус мужчин и незамужний статус женщин – согласно личным делам административно-ссыльных, отложившимся в ГАВО, большинство революционеров были молодыми мужчинами и девицами.

В ссылке находилось место как возвышенным чувствам, так и сексуальной невоздержанности. Девиации в сексуальном поведении ссыльных обуславливались главным образом следующими причинами. Среди них следует выделить моральную неустойчивость отдельных лиц, их возраст, поиск доступных удовольствий в условиях вынужденной праздности и удаленности от столичных городов – центров публичной и теневой политической жизни империи. Половая невоздержанность и частая смена партнеров становились следствием альтернативного взгляда на брак, который лишался одного из основных приоритетов в жизненной траектории молодых революционерок и революционеров. Кроме того, социально порицаемые формы сексуального поведения ссыльных катализировались присутствием в их среде случайных элементов, а также уголовных ссыльных, которыми царские власти стремились разбавлять политическую ссылку в целях ее внутреннего разобщения.

Список источников

- Вестник знания. 1909. № 8–9.
Воронский А. 1931. Из старых писем: новелла. Новый мир, 2: 27–33.
Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Вологодское губернское жандармское управление. Город Вологда Вологодской губернии (1827–1917). Оп. 1. Д. 4213. ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 68.
ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 477.
Ильинский М.В. 1906. Архангельская ссылка. Бытовые очерки из истории Архангельской политической ссылки. Санкт-Петербург, Типо-литография «Энергия», 294 с.
Красный Север. 1986. 14 июня, 14 августа.
Павчинский Э.И. 1932. Места не столь отдаленные: из воспоминаний о Вологодской ссылке 1906–1910 годов. Каторга и ссылка, 3: 167–195.
Русский Север. 1908. 20 ноября, 5 декабря.
Русский Север. Пятница. 1994. 21 января, 2006. 25 октября, 1 ноября, 8 ноября.
Саломон А.П. 1900. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. Санкт-Петербург, Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 339 с.
Советская мысль. 1973. 2 октября.
Струмилин С.Г. 1968. Избранные произведения: Воспоминания и публицистика. Москва, Наука, 480 с.

Список литературы

- Ванюшина О.В. 2016. Административно высланные в Тверскую губернию женщины (1881–1917 гг.): адаптация к условиям повседневной жизни. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва, 31 с.
- Гейфман А. 1997. Революционный террор в России, 1894–1917. Москва, Крон-Пресс, 448 с.
- Кондакова О.Н. 2002. Женщины-революционерки 70–80-х гг. 19 века и их пребывание в Сибирской ссылке. Дисс... канд. ист. наук. Москва, 177 с.
- Коновалов Ф.Я. 2007. Политические ссыльные г. Вологды в 1907 г. (по материалам анкетирования колонии политссыльных). В сб.: История пенитенциарной системы России в XX веке. Вологда, Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики: 184–190.
- Королева Л.С. 2021. Семейные отношения участников народовольческого движения в 60–80-х гг. XIX в. (на примере политических ссыльных в северо-западном регионе Российской империи). *История повседневности*, 3(19): 6–15.
- Кохно И.П. 1970. Вологодская ссылка Луначарского. В кн.: А.В. Луначарский. Неизданные материалы. Москва, Наука: 603–619.
- Максимова В.Н. 2003. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.). Дисс... канд. ист. наук. Иркутск, 206 с.
- Минский М.Ю. 2009. Микроисторический метод и макроисторический вывод. *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*, 3: 67–77.
- Новоселов В.И. 2004. Вологодская ссылка А.А. Богданова. *Вестник Международного института А. Богданова*, 3: 10–19.
- Овечкина С.Ю. 2005. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: Вторая половина XIX – начало XX вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Архангельск, 21 с.
- Сабурова Т.А., Эклоф Б. 2016. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. Москва, Новое литературное обозрение, 448 с.
- Собакина А.А. 2021. Женская политическая активность как результат распространения идей феминизма и модернизации русской провинциальной культуры начала XX в. (по материалам вологодских газет). *Ярославский педагогический вестник*, 6(123): 235–242.
- Стайтс Р. 2004. Женское освободительное движение в России, 1860–1930. Москва, РОССПЭН, 616 с.

References

- Vanjushina O.V. 2016. Administrativno vyslannye v Tverskuju guberniju zhenshhiny (1881–1917 gg.): adaptacija k uslovijam povsednevnoj zhizni [Women Administratively Exiled to the Tver Governorate (1881–1917): Adaptation to the Conditions of Everyday life]. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Moscow, 31 p.
- Geifman A. 1997. Revoljucionnyj terror v Rossii, 1894–1917 [The Revolutionary Terror in Russia, 1894 to 1917]. Moscow, Kron-Press, 448 p.
- Kondakova O.N. 2002. Zhenshhiny-revoljucionerki 70–80-h gg. 19 veka i ih prebyvanie v Sibirskoj ssylke [Women Revolutionaries of the 70–80s of the 19th Century and their Stay in Siberian Exile]. Diss... kand. ist. nauk. Moscow, 177 p.
- Konovalev F.Ja. 2007. Politicheskie ssyl'nye g. Vologdy v 1907 g. (po materialam anketirovanija kolonii politssyl'nyh) [Political Exiles of Vologda in 1907 (Based on the Survey Materials of the Colony of Political Exiles)]. V sb.: Istorija penitenciarnoj sistemy Rossii v XX veke. Vologda, Federal'naja sluzhba ispolnenija nakazanij, Vologodskij institut prava i jekonomiki: 184–190.
- Koroleva L.S. 2021. Semejnye otnoshenija uchastnikov narodovol'cheskogo dvizhenija v 60–80-h gg. XIX v. (na primere politicheskikh ssyl'nyh v severo-zapadnom regione Rossijskoj imperii) [Family Relations of Participants in the Narodnaya Volya Movement in the 60–80s. XIX Century (Using the Example of Political Exiles in the Northwestern Region of the Russian Empire)]. *Istorija povsednevnosti*, 3(19): 6–15.
- Kohno I.P. 1970. Vologodskaja ssylka Lunacharskogo [Vologda Exile of Lunacharsky]. V kn.: A.V. Lunacharskij. Neizdannye materialy. Moscow, Nauka: 603–619.
- Maksimova V.N. 2003. Zhenskaja politicheskaja katorga i ssylka v Vostochnoj Sibiri (1907–1917 gg.) [Women's Political Penal Servitude and Exile in Eastern Siberia (1907–1917)]. Diss... kand. ist. nauk. Irkutsk, 206 p.

- Minsky M.Yu. 2009. Mikroistoricheskiy metod i makroistoricheskiy vyvod [Microhistorical Method and Macrohistorical Conclusion]. *Moscow State University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 3: 67–77.
- Novoselov V.I. 2004. Vologodskaja ssylka A.A. Bogdanova [Vologda Exile of A.A. Bogdanov]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova*, 3: 10–19.
- Ovechkina S.Ju. 2005. Zhenskaja politicheskaja ssylka v Arhangel'skoj gubernii: Vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv [Women's Political Exile in the Arkhangelsk Governorate: Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Arhangel'sk, 21 p.
- Saburova T.A., Eklof B. 2016. Druzhba, sem'ja, revolyucija: Nikolaj Charushin i pokolenie narodnikov 1870-h godov [Friendship, Family, Revolution: Nikolai Charushin and a Generation of Populists of the 1870s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p.
- Sobakina A.A. 2021. Zhenskaja politicheskaja aktivnost' kak rezul'tat rasprostraneniya idej feminizma i modernizacii russkoj provincial'noj kul'tury nachala XX v. (po materialam vologodskih gazet) [Women's Political Activity as a Result of the Spread of Ideas of Feminism and Modernization of Russian Provincial Culture of the Early Twentieth Century (Based on Materials from Vologda Newspapers)]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 6(123): 235–242.
- Stites R. 2004. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii, 1860–1930 [Women's Liberation Movement in Russia, 1860–1930]. Moscow, ROSSPEN, 616 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.12.2024

Received 04.12.2024

Поступила после рецензирования 10.02.2025

Revised 10.02.2025

Принята к публикации 12.02.2025

Accepted 12.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петербургский Михаил Юрьевич, соискатель кафедры отечественной средневековой и новой истории, Ярославский государственный университет, г. Ярославль, Россия

Mikhail Yu. Peterburgsky, Postgraduate Student, Department of Medieval and Modern Russian History, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7559-0709](https://orcid.org/0000-0002-7559-0709)